

Виталий СЕРКОВ

г. Сочи

КИРЮШИН
Виктор

«А вода из колодца ледяная на вкус»

Размышления о творчестве поэта Виктора Кирюшина и его книга «Ангелы тревоги и надежды», Москва, «Российский писатель», 2017 и «Облака над садом», Барнаул: ООО «АЗБУКА», 2019. Серия «Лауреаты Губернаторской литературной премии имени Роберта Рождественского».

Предваряя разговор о поэзии Виктора Кирюшина, я должен пояснить некоторые аспекты моего знакомства с ней. В 2011 году в Москве в издательстве «Новый ключ» вышла книга «В пятидесятых рождены...». Лирическая поэзия современной России. Составителем, автором предисловия и одним из 12 авторов этой книги являлся столичный поэт Павел Косяков, с которым я состоял в переписке, не будучи с ним лично знаком, и с которым зачастую спорил, а иногда даже писал на некоторые строки его стихотворений пародии, поскольку наши взгляды на поэзию во многом расходились. Я бы даже сказал так: не столько на саму поэзию, сколько на практическое применение в своём творчестве этих взглядов. Справедливости ради я должен отметить, что составитель провёл огромную и очень нужную на ту пору работу, отобрав авторов из различных

регионов страны, «наиболее ярко, талантливо и последовательно продолжающих есенинско-рубцовские традиции лирической поэзии России», как было указано в анонсе. Среди них был и Виктор Кирюшин.

На момент выхода книги мною уже были написаны статьи о поэзии таких авторов этой книги, как Николай Зиновьев из г. Кореновска Краснодарского края и Евгений Семичев из г. Новокуйбышевска Самарской области. В 2012 году я написал статьи о поэзии ещё четверых авторов этой книги, в том числе и «Мир непридуманный, мир настоящий» и «Простая прелесть бытия» – о поэзии Виктора Кирюшина.

Почему я об этом вспомнил? Да потому лишь, что троих из этих авторов (Евгения Семичева, Юрия Перминова и Евгения Чепурных) Виктор Кирюшин в интервью, опубликованном в качестве предисловия к книге «Ангелы тревоги и надежды», назвал среди самых близких ему современных поэтов. А ещё Светлану Сырневу, о которой в числе прочих авторов-женщин я писал в статье о женской поэзии: «Под вопли кликуш и ничтожеств».

Я хочу сказать, что наши предпочтения в поэзии совпали почти полностью. По крайней мере, в основном. И поэзия большинства остальных авторов книги мне импонировала. Сомнения и некоторое раздражение вызывал не столько состав авторов коллективного сборника, сколько предисловие к книге, автором которого был упомянутый выше Павел Косяков. К тому же я всегда был противником составления каких-либо «кассет», «блоков» из имён, пусть и самых, как казалось составителям, талантливых. И всегда в такие дела вмешиваются субъективность, какие-либо личные интересы составителя, дружба, знакомство и пр.

Свою позицию на эту тему к тому времени я успел уже оформить в виде стихотворения, да поймут меня правильно и простят читатели, ибо не ради собственной рекламы я его привожу:

*Пока ты носил на плечах эполеты,
Пока суету изгонял и пороки,
Одни – в знаменитые вышли поэты,
Другие – ни много ни мало – в пророки.*

*А их имена затолкали в «обоймы»,
Как будто они не поэты – патроны.
Но высохли вскоре поэзии поймы,
И пылью покрылись фальшивые троны.*

*И новое племя по этому праху
Шагает и слушает звёздные ветры.
И лишь одиночки восходят на плаху,
Считая к бессмертью последние метры.*

Сегодня для меня уже вполне ясно, что не только «фальшивые троны» пылью покрылись, но и «новое племя» или слишком долго «слушает звёздные ветры», или оно оглохло от барабанного боя, многоголосья постперестроечных десятилетий, от шуршания денежной массы и не способно извлечь из этих звуков и шорохов ничего, достойного поэзии. А в одиночке, восходящем неспешно на плаху истории и считающем к бессмертью последние метры, я всё явственней узнаю поэта Виктора Кирюшина.

Другие читатели и почитатели поэзии в этой роли могут увидеть кого-то другого. Да и сам Виктор Кирюшин, называя самых близких ему современных поэтов и говоря о нынешнем состоянии поэзии, вполне чётко обозначил свою позицию: «Каждый из названных мной поэтов обладает яркой индивидуальностью, собственным поэтическим миром, неповторимым и самобытным...»

Должен оговориться, что я, прочитав книгу «В пятидесятых рождены...», среди прочих «неповторимых и самобытных» Виктора Кирюшина выделил особо. И с той поры в моём «табели о рангах» он занимает особое место, абсолютно не входя в противоречия и не соперничая с другими достойными творцами современной поэзии.

Раньше я не единожды задумывался над тем, почему поэзия Виктора Кирюшина воздействует на мою душу особым образом, а после прочтения интервью, взятого у него Еленой Серебряковой и помещённого в качестве предисловия к книге, многое для себя прояснил. И истоки поэзии, и восприятие её, и отношение к ней у нас идентичные. И как не согласиться со словами Виктора Кирюшина: «...и термин «поэтическое мастерство» для меня сомнителен. Есть, конечно, вещи, относящиеся к ремеслу, которые необходимо знать, но тайна поэзии, её особая энергетика всё-таки возникает из другого. Не из знания, а из озарения, наития. Это и есть дар Божий, и никаким трудолюбием, усидчивостью его отсутствие компенсировать невозможно». И далее: «...сам литератор, неважно прозаик или поэт, должен представлять из себя личность. Хорошо Бунин об этом сказал: «Тот, кто называется «поэт», должен быть чувством как человек редкий по уму, вкусу, стремлениям и т.д. Только в этом случае я могу слушать его интимное, любовное и проч. На что же мне нужны излияния души дурака, плебея, лакея, даже физически представляющегося мне противным?»

Поскольку не так часто можно прочитать мнение современного поэта такого уровня, абсолютно совпадающее с твоим мнением по этому вопросу, позволю себе процитировать ещё один абзац из интервью с ним: «Сегодня как будто шлюзы какие-то открылись: ринулись в литературу и дураки (и дуры), и плебеи, и лакеи, и гламурные звёзды, и телеведущие. Сказать им чаще всего нечего, характеры не яркие, страстишки мелкие, подробности слишком частные. Люди чувствуют этот подлог и протестуют по-своему: просто перестают читать литературу, в которой, по выражению Константина Леонтьева, царит «поэзия изящной безнравственности». Вот одна из причин падения общего интереса к чтению в наше время. Конечно, не вся литература такая, но как раз эту чаще всего пропагандируют, хвалят, тащат на экран...»

«...Казалось бы, одним из критериев значимости писателя должен служить его успех у читателя. Но сегодня и этот критерий не работает: на слуху

не самые лучшие... Рецепт, на мой взгляд, один: наплевать на успех вообще, меньше всего задумываться над этим. А вот верить в себя необходимо. Верить и упрямо делать своё дело. Мы ведь не знаем, «как слово наше отзовётся».

* * *

Открывая книги Виктора Кирюшина, в данном случае «Ангелы тревоги и надежды» или «Облака над садом», сразу же становишься свидетелем и соучастником событий реальной или выдуманной жизни поэта. И начинаешь сопереживать и героям его лирических произведений, и самому автору, поскольку понимание того, что «Оступаемся вдвоём, // Только падать в одиночку» пришло и к тебе в силу возраста и житейского опыта. Но человек тем и интересен, что и создаёт сам, и преодолевает всю свою жизнь сам «Отношений тупики, // Заблуждений перекрёстки». И не каждому ведь дано осознать, что:

*Так бывает, и притом
Понимать необходимо:
Человеческим судом
Только явное судимо.*

*Всё же тайного стыда
Малодушно не отриньте,
Чтоб не сгинуть без следа
В этом странном лабиринте.*

После развала Советского Союза в 1991 году и последовавшего за ним раскола в писательских рядах степень накала словесной борьбы противоборствующих сил возросла в разы. Поневоле многие мастера художественного слова возвысили свой голос в защиту традиционных ценностей русской культуры и русского бытия, отстаивая право на идентичность.

Обличительная, публицистическая поэзия разливалась по страницам периодических изданий и выходящих, хотя и с трудом, книг. Слово приравнивалось к штыку. Можно найти и объяснения этому, и оправдания. Только всё чаще приходится задумываться: а много ли вышло толку от противоборства и не утратила ли наша поэзия главных своих качеств и своего предназначения? И смог ли человек в этой борьбе сохранить ценности и идеалы, ради которых ломались копья и писательские перья, если из-под пера Виктора Кирюшина вышли такие пронзительные и грустные строки и поставлен вопрос, на который нет пока

ответа, но напрашивается ещё один вопрос: «Доколе так будет?!»:

*Потемнели времён витражи,
Божий лик затмевает личина.
Вот уже от пронырливой лжи
Правда сущая неотличима.*

*Нынче всякое лыко в строку...
Разве станут об истине печься
Те, кому довелось на веку
Трижды клясться и трижды отречься?*

Поэзия Виктора Кирюшина не призывает на баррикады, но заставляет вглядываться и вслушиваться в себя, возвращаться к истокам и к понятиям «честь» и «совесть», какой бы стороны жизни ни касались его строки. Хотя ни призывов, ни пустой риторики читатель в стихах поэта не найдёт. Лирику поэта могут некоторые назвать «тихой», пользуясь мерками второй половины XX века, когда и появилось это определение. Чаще других его применяли к поэзии Николая Рубцова. Но сегодня многократно доказано, что она не была «тихой», а просто не нуждалась в барабанном бое, обладая глубиной и пронзительно показывая правду жизни. И поэзию Виктора Кирюшина я назвал бы пронзительной. Касается ли это каких-то личностных мотивов или строк о любви, вкраплений неожиданно возникших переживаний или очарований, как в этом стихотворении:

*Звёзд ледяных над городом кочевье,
Когда зима, когда темно к шести
И женщина в автобусе вечернем –
Глаза в глаза и взгляд не отвести.*

*Убогий путь меж выбоин и рытвин,
Ползущий в ночь раздрызганный ковчег
И красота, подобная молитве,
Та самая, что примиряет всех.*

*На миг один заставит встрепепнуться
И мир забыть, где властвует зима...
А следом надо просто отвернуться
И дальше жить, и не сойти с ума.*

Или касается ли размышлений о судьбах русских парней, оказавшихся по разные стороны линии фронта в Донбассе: «...Может, вот здесь у разбитой котельной // Пламенем адовым вспыхнет зенит, // Мир пошатнётся, и крестик нательный, // Мамою подаренный, не сохранит...

222 Виталий Серков

...Молча уходим леском предрассветным.
// Где, за каким затаился кустом // Брат мой и
враг мой // С таким же заветным, // Мамой на-
детым, нательным крестом?», или же размыш-
лений о приближающейся старости и невозмож-
ности исполнения каких-то замыслов, как в сти-
хотворении «Точка»: «...Бросить пить, сменить
режим, // Предпочесть горбушке мякоть // И над
замыслом чужим // От отчаянья заплакать».

Строки его оставляют неизгладимое впечат-
ление и оживляют ассоциативные цепочки вос-
поминаний. А они, как известно, у каждого свои
и дороги каждому по-своему. Потому и поэзия
Виктора Кирюшина с каждым годом становится
ближе всё более широкому кругу истинных це-
нителей высокого искусства. А ещё они кинема-
тографичны, о чём я уже писал ранее, особо вы-
деляя в этом отношении его стихотворение
«Здесь только вороньё витийствует картаво»,
последние строфы которого настолько пронзи-
тельны по эмоциональному накалу, что не при-
вести их я не могу:

*...Иному – тяжкий крест, а грешнику – отрада,
Я всплеском этих рук заведомо сражён.
Не верю, что ждала, но так наивно рада
Случайная моя и лучшая из жён.
Потом минует день, и вскрикнет электричка,
И я тебе шепну: «Любимая, держись!»
Платок твой вдалеке погаснет, словно спичка,
А может быть, свеча, а может быть, и жизнь...*

В стихах поэта находят свой приют не только
родные ему люди, но и странные люди из тех, что
были на Руси всегда, и из тех, что стали приметам
сегодняшнего дня. То мелькнёт «Фигура бомжа на
углу», как отголосок бесприютности миллионов на-
ших соотечественников внутри страны и за её пре-
делами в постперестроечные времена. То «Ванька,
чудак, простофиля, юрод», у которого «Крестик на-
тальный – богатство его» и которого «жалеет на-
чальник и раб: «Малый простак и на голову слаб.//
Нынче не просто прожить дурачком»..// Ваня взды-
хает и пашет молчком...» Автор не высказывает
открытого сочувствия этим людям, но он знает им
настоящую цену, поэтому и заканчивает повество-
вание с названием «Ваньки» так:

*Эх, забубённая наша страна!
Если б не Ваньки, России хана.*

То в стихах появится странник, и автор
утверждает:

*...Того, что странник этот ищет,
И не бывает на земле.
Смешно за выдуманным светом
Гоняться, не смыкая глаз,
Но он, не знающий об этом,
Счастливей каждого из нас.*

О чём эти строки? Не о том ли, что, погнавшись
за благополучием, богатством, успешностью, че-
ловек забывает про мечту и про то, что он созда-
ние Божие, что он всего лишь частичка природы?
А ещё, как мне думается, о том, что человек, вы-
думывая всё новые условности и правила социу-
ма, загоняет себя в непреодолимые сети, из ко-
торых всё трудней выпутаться.

Поэзия Виктора Кирюшина гармонична, ибо
рождена на стыке или при слиянии двух звуковых
начал: природного (шум реки, гроза, шуршание
камыша, птичий гомон) и техногенного. Умение
вычленивать необходимые вибрации современного
мегаполиса, которые улавливает чуткий, даже
абсолютный, слух поэта, и соединить их с музы-
кой природы, живущей внутри поэта, иногда с
детских пор – задача не из лёгких. При этом всё
время поэт должен вслушиваться в себя, ища ис-
токи того или иного события, тех или иных отго-
лосков прошлых и сегодняшних дней, входящих в
гармонию с еле улавливаемыми звуковыми вол-
нами. Другими словами, поэт должен соединить
то, что соединению, казалось бы, не подлежит. И
ему это удаётся:

*Услышать можно «нет» и «да»
В случайной фразе.
Так преломляется вода
В хрустальной вазе.*

*Опять бессвязный шум дождя
У самой двери.
Так что-то шепчут уходя,
В уход не веря.*

*Надежда ветренная лжёт
О счастье рядом.
А вдруг и вправду обожжёт
Случайным взглядом?*

*Судьба ль замыслила менять
Пути и сроки...
Но разве смертному понять
Её намёки?*

А следом и прозрения приходят: «Сложное стало простым.// Полное с виду – пустым.// Неразличимое – явным,// Неоценённое – главным».

* * *

Я не случайно выше упомянул о постперестроечных десятилетиях, когда многие поэты, в том числе и автор этих строк, находили отдушину в публицистике. Виктору Кирюшину по счастливой ли случайности, по внутренним ли его убеждениям, по глубинному ли пониманию роли поэзии удалось этого избежать. И вряд ли поэт наблюдал равнодушно за происходящим в стране, в рядах писательских, при последствиях раскола Союза писателей. Был он и на баррикадах, отстаивая писательский дом. Но в поэзии Виктор Кирюшин выбрал другие пути-дорожки, спасаясь за известным русским долготерпением и умением ждать, что и вылилось в небольшое, почти программное, стихотворение, которое думающему читателю расскажет о поэте больше любой автобиографии и другим поэтам даст рецепт не только достижения успеха, но и правильной самооценки:

*Какое счастье пёрышком скрипеть!
Переводить лиловые чернила.
Описывая то, что учинила
Над нами жизнь, её перетерпеть.*

*За веком не стремиться поспешать,
Земные сроки меряя чинами.
Какое счастье медленно ветшать,
Как шуба, позабытая в чулане.*

*Всё проиграть, но партию спасти.
Пройти в ферзи, изображая пешку,
Чтобы шутя триумф перевести
В пародию, иллюзию, насмешку.*

На сегодняшний день о поэзии Виктора Кирюшина написаны статьи такими известными и такими разными литературными критиками, как Нина Ягодинцева, Валентин Курбатов, Вячеслав Лютый. Могу с уверенностью сказать, что многие ещё захотят почерпнуть ключевой воды из колодца поэзии Виктора Кирюшина и утолить духовную жажду, а утолив её, поделиться радостью с другими.

Виталий Геннадьевич СЕРКОВ –

член Союза писателей России с 1992 года.

Родился в 1956 году в деревне Острецово Вологодской области.

В настоящее время живёт в Сочи.

*Автор многих книг стихов, а также публикаций
в центральных и региональных журналах.*

*Дипломант Всероссийской православной литературной премии
Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского (2007)*

*за верное служение русской поэзии,
лауреат Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина (2011),*

*3-го международного поэтического конкурса «Звезда полей-2012»
в номинации «Привет, Россия»,*

посвящённого творчеству Николая Рубцова.

В журнале «Север» публикуется впервые.

